

УДК 392

Пискулин А.А.¹

ЭТНОГРАФИЯ СЕЛА НИЖНИЙ ВОРГОЛ ЕЛЕЦКОЙ ОКРУГИ

Елецкий городской краеведческий музей

Piskulin A.A.

**ETHNOGRAPHY OF THE VILLAGE LOWER WARGOL
OF THE ELETSKY DISTRICT**

Yelets City Local History Museum

Реферат: *Исследуются исторические традиции населения одного из старинных сел елецкой округи. Публикуются материалы этнографической экспедиции 2007 года. Сообщения респондентов содержат этнографическую информацию на период второй четверти XX в. В ней содержатся сведения о быте, верованиях, обрядовых представлениях и праздничной культуре жителей села Нижний Воргол в том виде, в каком они сохранились к середине XX в. Автор приходит к выводу о глубоких исторических корнях, сохранившихся до настоящего времени традициях, особенно в обрядовой культуре.*

Ключевые слова: *с. Нижний Воргол, русская традиционная культура, праздничная обрядность, календарные праздники, однодворцы, топонимика.*

Abstract: *The historical traditions of the population of one of the ancient villages of the Yelets district are explored. The materials of the 2007 ethnographic expedition are published. Messages from respondents contain ethnographic information for the period of the second quarter of the 20th century. This is information about everyday life, beliefs, ritual performances and festive culture of the inhabitants of the village of Nizhny Vorgol The author comes to the conclusion about deep historical roots, traditions that have survived to the present, especially in ritual culture.*

¹ Пискулин Алексей Анатольевич – научный сотрудник Елецкого городского краеведческого музея.

Keywords: the village of Nizhny Vorgol, Russian traditional culture, festive ceremonies, calendar holidays, toponymy.

Село Нижний Воргол Елецкого района Липецкой области расположено в нижней части течения р. Воргол, левого притока р. Быстрая Сосна. Отсюда и название села. В Становлянском районе есть с. Грунин Воргол, расположенное в среднем течении одноименной речки. Сами жители с. Нижний Воргол, жители округи и города Ельца называют село просто – Воргол.

Территория села издавна была обжита славянами, что подтверждается археологическими раскопками [8; 9]. С 1592 г. возрождается Елецкая крепость [1], формируется заселенная округа и Елецкий уезд. Возможно, что с 1593 г. появляется д. Нижний Воргол, со временем превратившаяся в село [2; 3; 4; 5].

Данное сообщение основывается на материалах этнографического опроса жителей села Воргол, проведенного автором в 2007 г. Сообщение содержит этнографическую информацию на период второй четверти XX в. Большинство опрошенных родилось в 1920-1930 гг., следовательно, они сохранили информацию о своем детстве и юности и о том, что знали из рассказов родителей и старших родственников. Сообщения

содержат характеристику быта, верований, обрядовых представлений и праздничной культуры жителей с. Воргол в том виде, в каком они сохранились к середине XX в. [7].

Среди респондентов:

Меркулова Раиса Афанасьевна (1939г.р.)

Фаустова Зинаида Петровна (1924г.р.)

Каверина Серафима Афанасьевна (1928г.р.)

Каверин Василий Дмитриевич (1928г.р.)

Ныркова (Каверина) Ангелина Петровна (1933г.р.)

Гольяева Александра Ивановна (1935г.р.)

Чукардина (Чаплыгина) Валентина Ивановна (1931г.р.)

Село делилось и до сих пор делится на несколько частей: Гора, Низ, Поселок, Кукуевка, Поповка или Поповская гора (там находилась церковь и стоял дом священника) Поляна и Луг – место гуляний и развлечений местной молодежи. Деление села на однодворскую и барскую стороны, как в соседнем Ольховце, отсутствовало.

Наиболее распространенные фамилии на Воргле: Каверины (их в селе больше всего), Селеменевы

(живут в основном на Поповке), Гридчины (на Горе), Малявины, Чернышевы, Антиповы. Помнят современные жители Воргла и фамилии некоторых помещиков: Баранников (от него остался топоним Баранников сад; сад был большой, окруженный аллеями - двумя липовыми и березовой), Ильинов-барин, живший на Лугу (сохранился также топоним Ильинов сад и остатки самого сада). Недалеко от села, у Казенного леса, располагалось имение Бибиковых (сохранились остатки сада, принадлежавшего им).

В селе имелась церковь, приделы которой были освящены в честь Успения Пресвятой Богородицы и Георгия Победоносца. При церкви была церковно-приходская школа, которая после революции работала как начальная школа. На Лугу, где били ключи, стояла часовня, в которой на Крещение проходила служба и освящали воду.

Рядом с селом расположен памятник природы и истории Воргольские скалы. Местные жители называли их Кичи или Копченые кичи. Копченые – потому что, по преданию, под одной из них в пещере жил монах (другой вариант – монахи), и скала закоптилась от его костров. Среди жителей Воргла и соседних сел сохраняется предание о татарском сокровище, спрятанном в ска-

лах. Кроме того, стойко сохраняется предание о том, что Воргольские пещеры ведут к Ельцу и соединяются с подземельем елецкого Вознесенского собора.

Тип жилища, распространенный на Воргле, был характерен для традиционного сельского жилища пограничья центрального и южнорусского регионов. Жилище располагалось длинной боковой стороной к улице, имело открытый двор. Строили дома в основном из дерева, которое обмазывали глиной и белили. Однако с XX в. широко распространены кирпичные дома. Крыши крыли преимущественно соломой.

Проходные «сенцы» делили дом на две половины: избу и горницу. Через сенцы можно было пройти во двор. В избе топилась русская печь, расположенная устьем к двери. Пространство между дверью и печью называлось чуланом. В чулане топили печь, готовили еду, там хранилась кухонная утварь, орудия труда (ухваты - рогачи, деревянные лопатки, чепелюшки, кочерги); в чулане стояли кадки для кормления скотины; когда телилась корова или овца, в чулане несколько дней выхаживали теленка или ягненка.

Русская печь имела сложную многофункциональную конструкцию. Это было и место для сна: спали на печи и на лежанке у печи. В

печи готовили пищу. В печи мылись. В «подпечке» хранили различные домашние инструменты, считалось, что там живет домовая. Печь отапливала избу, в отличие от горницы, которая не отапливалась и зимой была нежилой. В избе обязательно имелся святой угол с иконами и лавкой-коником. Стоял стол, по стенам располагались лавки (внизу) и полати (наверху). Спали на лавках, полатях и кроватях. Летом спали и в горнице, на полу, настелив соломы. Горница была «чище» избы. В ней хранили «добро»: в сундуках (укладках) – наряды, подушки, одеяла и т.п.; в рундуках – зерно. В горнице стояли примосты и кровати. В горницу отправляли спать «молодых» после свадьбы, даже зимой. Полы к XX в. в домах были уже деревянные, у некоторых сохранялись и земляные, смазанные глиной.

По периметру открытого двора стояли «закуты», в которых держали скотину. Каждый вид скота (коровы, овцы, свиньи) держался в отдельной закуте. В огороде стояла рига – «рыга» - помещение для хранения и обработки урожая. В хозяйстве держали лошадей, коров, овец, свиней, меньше – коз, домашнюю птицу: гусей, уток, кур. Разводили пчел. На полях выращивали пшеницу, рожь, просо, ячмень, овес. Гречку стали сеять ко второй половине века. Вы-

ращивали также табак для елецкой махорочной фабрики. На огородах выращивали картошку, капусту, огурцы. Женщины села занимались характерным для елецкой округи промыслом – кружевоплетением.

Повседневная пища жителей Воргла состояла из каши, чаще всего пшенной, картошки, кулеша – постного или с салом, потрохами, упоминается также молочный кулеш. В русской печи пекли хлеб, пироги, пышки-растрепки. Впрок заготавливали солонину из свинины, телятины или баранины. Солонину хранили в деревянных кадушках или чугунах в подвале. Солили сало и подвешивали его к крыше. Пили квас, молоко, кисели (овсяный, гороховый, молочный), компот из груш или яблок, чай. К праздникам гнали самогон. Заготавливали грибы - солили в бочках. В голодное время собирали полевой чеснок, конский щавель, анис, сиргибус, ели почки липы, цветки клена («Клен цвел, мы все цветы, бывалыча, поедим, что ж вкусный!»). Праздничный стол состоял, как правило, из холодца, мяса, пирогов с начинками и без, щей или лапши, молочных продуктов (творог, сметана). Большинство жителей Воргла и в советское время соблюдало православные посты.

Одежда жителей Воргла, как мужская так и женская, к XX в. уже

не отличалась от городского костюма – сказывалась близость города Ельца.

К концу первой четверти XX в. материальная культура сельского населения центральной России постепенно утрачивает архаические черты, сближаясь с уездной городской. Архаика сохраняется в пласте обрядовой, традиционной праздничной культуры, в народных верованиях. Традиционная праздничная, обрядовая культура жителей Воргла к середине XX века в значительной мере сохраняла элементы, присущие духовной культуре данного региона [6; 10].

КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Рождество. Святки.

Вечером, накануне Рождества, «под Рождество», жгли костры около каждого дома – «грели родителям ноги». «Родителями» в русской обрядовой традиции называли умерших родственников. Обычай сохраняется и сейчас. Так же был распространен обычай под Рождество трясти фруктовые деревья: яблони, вишни, сливы, груши – это должно было способствовать плодородию, «чтоб дерево рожало». Посещали обязательно Рождественскую службу. Рождественский пост строго соблюдался. Разговлялись холодцом, резали кур, ели сметану, творог, пекли пироги из пшеничной муки

без начинки. Многие резали к празднику поросенка. С ночи на Рождество начинали «рядиться», ходить ряженые. Рядились, по местному «убирались», в соответствии с русской традицией: парни – девушками, «у юбку, у кохту, подкладывали груди», делали разные рукава (например, один белый, другой красный); девушки – парнями. Наряды делали заранее, готовились к Святкам. Девушки любили «убираться» цыганками, делали разноцветные полосатые юбки. Пришивали на одежду кружева. Ребята выворачивали полушубки и шапки, «чтобы почуднее»; «ходили небрежно», что соответствовало обрядовой, магической функции ряженных святочного периода. Согласно общерусским традиционным архаическим представлениям, ряженые изображали выходцев с «того света», нечисть, поэтому для святочных ряженных характерно нарушение традиционных норм поведения – та самая «небрежность». Парни и девушки ходили по селу «с музыкой» - с балалайками и гармошками, в рождественскую ночь колядовали, на протяжении всех Святков «чередили» - хулиганили, шутили, например, могли заложить кому-нибудь дверь снегом.

В Рождество принято было гадать. Гадали, как правило, девушки, впрочем, парням гадать тоже не за-

прещалось. Ходили слушать под окном, как звать жениха; кидали валенки или сапоги через крышу дома; куренка вносили в избу, ставили на стол и раскладывали перед ним различные предметы (зеркало, зерно, воду). Если куренок клевал зерно – это предвещало сытную жизнь и достаток в браке, если пил воду – муж будет пьяница, если поворачивался к зеркалу – муж будет «ненаглядный», другой вариант – «культурный». Ходили в овчарник, ловили овец и дергали у них шерсть: какого цвета шерсть – такого цвета волосы будут у жениха. Жгли бумагу, смотрели на ее тень, по форме тени судили о будущем, например, если тень напоминает церковь – это к венчанию, к свадьбе. «Наливали у тазик воду и клали хлебные крошки», каждый свою: чья быстрее отплывет, та раньше помрет. Самое страшное гадание «у бани», так как там нет икон, гадали с зеркалами, ждали, когда в зеркале покажется суженый, впрочем, так гадали только самые смелые. «Нечистая сила может чурышкой кинуть – будет синяк». «Но это страшное гаданье».

Святки завершались праздником Крещения. На Воргле существовало распространенное русское поверье о том, что в Крещение в колодцах вода колышится. «Под Крещение в двенадцать часов вода у тихих колодцах

колышится». Одна из жительниц Воргла специально ходила к колодцу проверить правда ли это. «Я ведь доглядела, в Крещение правда вода колышится». Она сидела на камне у колодца до тех пор, пока ей не показалось, что вода колышится. В той части села, которая носит название «луг» бьют ключи, там находилась часовня, в которой был колодец, в нем святили в Крещение воду. Распространен был общерусский обычай купаться в Крещение в проруби – Иордани. На Воргле купались «у ключах на Лугу» и «у речки». Распространен был традиционный русский обычай писать крестики над дверями и окнами от нечистой силы, «чтоб в дом не заходила».

С Рождества до Масленицы – в мясоед, играли свадьбы. Кроме того, молодежь собиралась в разных домах по очереди, где играли, развлекались, танцевали и пели.

МАСЛЕНИЦА.

На Масленицу снова «убирались» ряжеными. Всю масленичную неделю ряженые ходили по селу с гармошками и балалайками. Но в отличие от Святков, когда ряженые «ходили небрежно», на Масленицу «рядились богато, в шали», наряды готовили заранее. Парни полушубки уже не выворачивали. Пекли блины, ели сметану и творог, ходили друг к другу в гости, выделялось угощение

зятьев тещами. Распространено было катание на лошадях и катание с гор на салазках и санях. Горы поливали водой, сани «воровали в колхозе».

В Прощеное Воскресенье пекли блины, просили прощения друг у друга и «расставались на Пост».

ВЕЛИКИЙ ПОСТ. ПАСХА.

В пост родители не велели детям и молодежи «ходить на улицу» - развлекаться, петь. Пост строго соблюдался. На Сороки пекли «жаворонков», на Благовещенье пекли пироги и разрешалось спеть «по три частушки», даже собиралась «улица». В Вербное Воскресенье святили вербу, которой приписывалась большая магическая сила. Считалось, что она приносит здоровье членам семьи и скоту (освященной вербой хозяева выгоняли скот весной «как первая трава появится»). На «Вербное» пекли «бобы» - мелкие постные пышки, в некоторые из которых запекали «денежку». Пышка с монеткой сулила счастье.

К Пасхе шили новые наряды. Празднование Пасхи проходило в соответствии с общерусской традицией. Посещали Пасхальную службу в церкви, разговлялись. Разговлялись куличом, паской и яйцами. Название «кулич» не употребляли, все вместе – кулич и творог – называли «паска». В большом количестве красили яйца. Ели, гуляли, вновь начи-

нались развлечения молодежи – «улица - круга на три с гармониями». Всю пасхальную неделю катали яйца. На кладбище ходить было не принято.

ПРЕСТОЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК – ЕГОРИЙ.

Егорьев день (день памяти св. Георгия Победоносца) отмечался дважды в году: 6 мая и 9 декабря. На Воргле престольным праздником был Егорий Вешний. Престольным праздником назывался праздник села, установленный в память о святом или событии, в честь которых назван сельский храм и церковные пределы. Он считался одним из главных в народном праздничном календаре.

«Престол» праздновался на Воргле два-три дня. Приезжали родственники из других сел: из Рябинок, Ольховца, Волчьева, Крутого, Казаков. Гости оставались ночевать. Праздник сопровождался угощением: ели холодец, пироги, мясо. В свою очередь, с Воргла ходили в гости на престольные праздники соседних сел, например, на Николу – в Ольховец. Распространенный в северных и северо-западных регионах России обряд первого весеннего выгона скота на Егория, в центральной и южной России не был приурочен конкретно к этому празднику, тем не менее, на Воргле первый выгон происходил примерно в этот отрезок

времени, правда, зависело это от природных условий – «как покажется первая травка». Выгон, однако, сопровождался обрядовыми действиями: скот выгоняли в поле освященной вербой (для здоровья) и читали «Отчу» - молитву «Отче наш».

ТРОИЦА.

Троица – наиболее любимый в центральной и южной России летний праздник. К нему готовились заранее, девушки шили новые платья. Главными обрядовыми моментами Троицы были украшение дома ветвями деревьев и лесное гулянье. Дома украшали в основном кленом и липой – это называли «разнолесье». Украшение дома кленовыми и липовыми, а не березовыми, ветвями характерная деталь южнорусской Троицы. Ветви деревьев сначала ставили в Святой угол, затем к каждому окошку. Старались, чтобы зелени было как можно больше, «как в лесу». На пол сыпали траву. К иконам и над столом вешали вышитые полотенца – рушники. Украшали дом накануне Троицы в субботу. В воскресенье, собственно Троицу, шли на гулянье в лес. В этом состояло главное действие, пик праздника. Лесное гулянье могло продолжаться несколько дней, два-три дня. Троицу без лесного гулянья не представляли. Жители Воргла и близлежащих сел (Ольховец, Рябинки, Дерновка,

Крутое) гуляли в лесу, который назывался Казенный. Главное развлечение на гулянье – песни и танцы. Танцевали «матаню» - пляска под гармонь с частушками. Ребята на Троицу обязательно дрались («мода была почему-то драться»). Обрядовые драки во время больших календарных праздников – архаическое явление, восходящее к славянскому язычеству и коренящиеся в аграрных магических действиях и культуре предков. Весьма архаичным действием является и завивание венков, сохранившееся на Воргле. Воргольские девушки завивали венки из цветов, надевали их на голову, собирались вместе в чем-нибудь саду и жарили яичницу на костре. Съев яичницу, бежали на Воргол и кидали в речку венки. Такие действия – это остатки древних Троицких обрядов кумления девушек. Яичница также является традиционным обрядовым блюдом для русских весенне-летних праздников. Кидание венков в реку – столь же архаичное обрядово-магическое действие.

АВГУСТОВСКИЕ СПАСЫ.

На Медовый Спас покупали мед. На Яблочный Спас пекли пироги с яблоками.

УСПЕНИЕ.

Второй престольный праздник на Воргле. Была «улица», приезжали в гости родственники из соседних

сел. Кроме того в Успенье разговлялись – закончился Успенский пост. Угощались холодцом, мясом, сметаной, творогом. Выпивали. С Успенья до «загвены» на Рождественский пост играли свадьбы.

Весьма архаичным пластом традиционных верований являются представления о нечистой силе, многие элементы которых сохраняются очень стойко вплоть до сегодняшнего времени.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Верили в то, что потусторонняя сила «вещует» и «окликает». «Вещует», как правило, домовый (доможила), то есть предупреждает о каких-либо событиях, которые должны произойти в ближайшем будущем. Домовой «вещует» при помощи разнообразных звуков, мелких происшествий в доме. Если «вещует» ночью, то следует спрашивать: к добру или к худу. «Окликает», как правило, знакомый голос, часто под окном. Этому боялись. Считалось, что если откликнешься, то произойдет какое-либо несчастье.

Из нечистой силы знали домового (доможила), межника (дух, который охраняет межи – границы между земельными наделами и строго наказывает за их нарушение). На меже ни в коем случае нельзя было лежать. «Не ложись на чужую межу

– межник убьет». Кроме того, верили, что летом во время цветения ржи по полям бегают русалки, которых тоже побаивались. «Не ходитя на поле, там русалки бегают». Сохранялись представления о ведьмах, которые могут оборачиваться разными животными, чаще всего свиньей. До сих пор стойко сохраняются представления о колдунах. Сохраняются традиционные представления о тяжелой смерти колдуна или колдуньи: он не может умереть покуда не передаст кому-нибудь свою колдовскую силу, кричит «нате, нате». Чтобы облегчить смерть колдуна, следует выбить доску в потолке. Как правило, в селе знали тех, кто занимается колдовством, побаивались и недолюбливали их, но в случае чего прибегали к их услугам. «Колдуют на Воргле и сейчас, много колдунов, колдуют усю жизнь». Здесь можно привести рассказ одной из жительниц Воргла. Несколько лет назад ее сноха нашла у ворот подброшенный хвост, не то коровий, не то пороссячий. Вскоре после этого у снохи распухла нога и в это же время у ее коровы распухло вымя. Все были уверены, что это - колдовство. Нечистая сила обитает и на Воргольских скалах – кичах. Там иногда может «водить», то есть можно заблудиться.

Список литературы:

1. Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592-1594 годах. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. 274 с.
2. Жиров Н.А. Заселение и хозяйственное освоение территории Верхнего Дона в конце XVI – первой трети XVII вв. //Материалы Всероссийской научной конференции «Границы и пограничье в южнороссийской истории». Ростов-на-Дону, 2014. С. 221-232.
3. Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Численность и размещение населения Ливенского и Елецкого уездов в конце XVI – первой трети XVII веков // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. М.: МГУ, 2013. С. 283-288.
4. Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Колонизация Верхнего Подонья в XVII веке (Засосненский стан Елецкого уезда) // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2014. № 8 (86). С. 108-111.
5. Ляпин Д.А., Жиров Н.А. Динамика численности населения юга России в конце XVI- начале XVIII вв. (на примере Ельца) //Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 3. С. 93-96.
6. Бурдаков Д.В. Народные верования о нечистой силе в с. Голиково Елецкого района Липецкой области (на основе этнографического материала)//В сборнике: Исторические исследования сборник научных работ молодых учёных исторического факультета. Елец, 2014. С. 66-71.
7. Пискулин А.А. Материалы по этнографии Черноземья второй половины XX – начала XXI века: традиционные праздники, обряды, верования, обычаи и поверья Липецкой, Орловской Курской, Тульской областей. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. 221 с.
8. Пряхин А.Д., Тропин Н.А. Исследования славянского горизонта на многослойном Воргольском городище в 2007 г. //Востоочнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южнорусских степей в эпоху раннего средневековья: мат. науч. конф. Воронеж: Истоки, 2008. С. 98-100.
9. Пряхин А.Д., Тропин Н.А. Многослойное Воргольское городище (по данным раскопок 2007 г.) //Вестник Елецкого государственного университета. Серия «История. Археология». Вып. 22. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. С. 32-64.

10. Тропин Н.А. Рецензия на: Пискулин А.А. Материалы по этнографии Черноземья второй половины XX – начала XXI века: традиционные праздники, обряды, верования, обычаи и поверья Липецкой, Орловской, Курской, Тульской областей. 2-е изд. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. 208 с. //Этнографическое обозрение. 2016. № 6. С. 177-178.

References:

1. Glaz'ev V.N., Novosel'cev A.V., Tropin N.A. Rossijskaya krepost' na yuzhnyh rubezhah. Dokumenty o stroitel'stve El'ca, zaselenii goroda i okrestnostej v 1592-1594 godah. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2001. 274 s.

2. Zhirov N.A. Zaselenie i hozyajstvennoe osvoenie territorii Verhnego Dona v konce XVI – pervoj treti XVII vv. //Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Granicy i pogranich'e v yuzhnorossijskoj istorii». Rostov-na-Donu, 2014. S. 221-232.

3. Lyapin D.A., Zhirov N.A. CHislennost' i razmeshchenie naseleniya Livenskogo i Eleckogo uezdov v konce XVI – pervoj treti XVII vekov // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vyp. 3. Tret'i CHteniya pamyati akad. RAN LV. Milova. M.: MGU, 2013. S. 283-288.

4. Lyapin D.A., Zhirov N.A. Kolonizaciya Verhnego Podon'ya v XVII veke (Zasosnenskij stan Eleckogo uezda) // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. Tambov, 2014. № 8 (86). S. 108-111.

5. Lyapin D.A., Zhirov N.A. Dinamika chislennosti naseleniya yuga Rossii v konce XVI- nachale XVIII vv. (na primere El'ca) //Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya . 2016. № 3. S. 93-96.

6. Burdakov D.V. Narodnye verovaniya o nechistoj sile v s. Golikovo Eleckogo rajona Lipeckoj oblasti (na osnove ehtnograficheskogo materiala)//V sbornike: Istoricheskie issledovaniya sbornik nauchnyh rabot molodyh uchyonyh istoricheskogo fakul'teta. Elec, 2014. S. 66-71.

7. Piskulin A.A. Materialy po ehtnografii CHernozem'ya vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka: tradicionnye prazdniki, obryady, verovaniya, obychai i pover'ya Lipeckoj, Orlovskoj Kurskoj, Tul'skoj oblastej. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2013. 221 s.

8. Pryahin A.D., Tropin N.A. Issledovaniya slavyanskogo gorizonta na mnogoslujnom Vorgol'skom gorodishche v 2007 g. //Vostochnoslavyanskij mir Dnepro-

Donskogo mezhdurech'ya i kochevniki yuzhnorusskih stepej v ehpoju rannego srednevekov'ya: mat. nauch. konf. Voronezh: Istoki, 2008. S. 98-100.

9. Pryahin A.D., Tropin N.A. Mnogoslojnoe Vorgol'skoe gorodishche (po danym raskopok 2007 g.) //Vestnik Eleckogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Arheologiya». Vyp. 22. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2008. S. 32-64.

10. Tropin N.A. Recenziya na: Piskulin A.A. Materialy po ehtnografii Chernozem'ya vtoroj poloviny XX – nachala XXI veka: tradicionnyye prazdniki, obryady, verovaniya, obychai i pover'ya Lipeckoj, Orlovskoj, Kurskoj, Tul'skoj oblastej. 2-e izd. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskij centr «Nauchnaya kniga», 2015. 208 s. //Ehtnograficheskoe obozrenie. 2016. № 6. S. 177-178.